

Покров и Знамение в Новгороде и Пскове в XIV веке¹

© 2019

УДК 27.526.62"13"; 7.046.3

ББК 85.14(2)

П40

Поступила в редакцию 06.03.2019

Прославленная чудотворная икона — новгородское Знамение^[илл.1] — была создана в XII в., сохранилась до сегодняшнего дня и почиталась в течение многих столетий. Научная литература, ей посвященная, так велика, что занимает уже многие страницы справочных изданий, особенно увеличивается в последнее время и достигла важных результатов². Реконструируются вероятные обстоятельства создания Знаменской иконы (В.Л. Янин, А.А. Гиппиус), ее возможное первоначальное богословское содержание (Э.С. Смирнова)³, новгородская городская жизнь, с ней связанная: борьба «концов» за обладание чудотворной реликвией и использование ее авторитета (В.Л. Янин, В.А. Водов). Реконструируется новгородский летописный свод, в котором могло бы содержаться раннее описание чуда от иконы Знамения (Е.Л. Конявская), таким, каким мы его знаем по проложному тексту, «Слову о Знамении» или повести о победе новгородцев над суздальцами с помощью чуда от иконы Знамение. Изучаются тексты службы Знамению XV–XVII вв. (Ф.В. Панченко).

События прославления икон в русской традиции, как правило, отнесены к далекому прошлому, чаще — к XII или XIV вв.; соответствующая письменная документация обычно далеко отстоит во времени от описываемых чудесных событий. Любая попытка историко-филологического подхода к материалам, документирующим чудо от иконы, сопряжена с большими трудностями, методологическими и другими. Какой текст наиболее близок к реальности и что такое реальность чуда? Отчасти именно в силу необходимости отвечать

на вопросы такого порядка отечественная текстология направлена преимущественно на реконструкцию архетипического текста — того, который не явлен на поверхности как документ, но к которому можно стремиться, изучая закономерности развития сохранившихся версий и добавляя косвенные свидетельства. Архетип не подлежит нашему созерцанию и нашей критике, как и само чудо. Проверяться может хронология документов, история общественного признания или церковного утверждения празднования. Не наше дело, не дело историков, реконструировать высший замысел, или, иначе говоря — единый глубинный архетип, аутентичный и наиболее подлинный относительно всех последующих трансформаций культа. Мы должны учитывать возможность и реальность исторической эволюции культа, в разные времена он может оказываться особенным, больше соответствующим обстоятельствам данного периода, чем предшествующим или последующим представлениям.

Ядро знаменского культа — это сама древняя новгородская икона. Однако закрепление почитания ее за единственным чудом спасения Новгорода от суздальцев в 1170 г. довольно условно. Через чудотворную икону неизменно почиталось явление милости Божией, но культ принимал разные формы на протяжении веков, в период институализации за ним закрепили условную статическую форму сказания о победе новгородцев над суздальцами с помощью иконы.

Подлинно известно, что в Новгороде с XII в. почиталась икона Богоматери с Младенцем в диске на груди, тип, называемый специалистами Эпискепис, та, что была в позднейших текстах прославлена под именем иконы Знамения. Это мы знаем по данным изобразительного ряда, — по фрескам, по печатям епископов, показывающим, как важен был для Новгорода и для Пскова этот тип. Вспомним, что псковская чтимая икона — Мирожская^[илл.2] — образ, соответствующий по типу Знамению, с тем отличием, что Оранта с Эмануилом в диске перед грудью дана в полный рост и по краям изображены князь Довмонт и его супруга. Судя по иконографии, Мирожская, прежде чем прославиться чудом истечения слез во время мора во второй половине XVI в., была иконой, чтимой псковскими князьями, иначе говоря, псковские князья чтили образ, прославившийся как икона Знамение, и это было запечатлено в иконографии Мирожской. В источниках XVI в. в связи с Мирожской возникает эпитет «Воплощение», то есть традиция помнит о преимущественно догматическом содержании иконографии Оранты с Эмануилом в диске.

Икона Мирожская вызывает недоумение исследователей. Предание относит чудо Мирожской — истечение слез — к концу XII в., а между тем на иконе изображен князь Довмонт, действовавший в Пскове в 1266–1299 гг. и прославленный еще позже. Сама икона — XVI в. Сказание о Мирожской тщательно изучено В.И. Охотниковой [Охотникова, 1997], оно достоверно относится к XVI в., во второй его половине, но это не избавляет нас от противоречий в истории культа и вопросов о соотношении его со Знамением Новгорода. В.Д. Сарабьянов полагал ошибкой представление о Мирожской как о конкретной чудотворной иконе, почитавшейся от XII в. до времен Ивана Грозного, когда икону увезли

1 Сообщение представляет собой краткую предварительную версию монографической работы, поэтому здесь ограничиваемся только немногими необходимыми библиографическими отсылками.

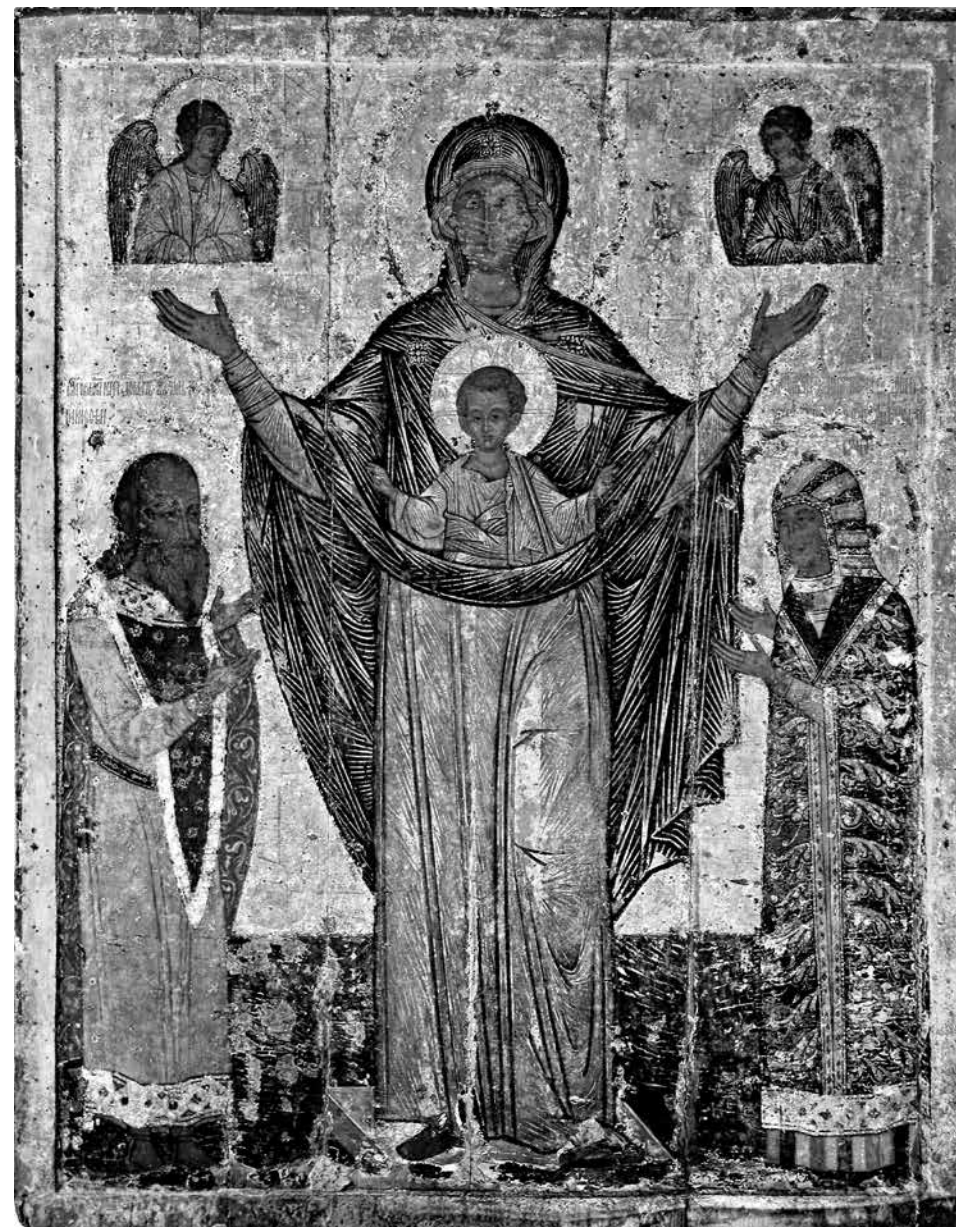
2 См. новые библиографические дополнения к статье о «Сказании о битве новгородцев с суздальцами»: [Словарь книжников и книжности древней Руси, 2012. С. 365–367]. Работы всех здесь перечисляемых авторов находятся в этом списке, за исключением статьи В. Водова [Vodoff, 1995].

3 Не приводим здесь имена многочисленных исследователей, занимающихся последние десятилетия реконструкцией первоначальных форм и значений константинопольского культа иконы соответствующего типа — Эпискепис — Знамение.

ил.1 Богоматерь Знамение. Икона. XII в. Софийский собор в Новгороде
fig.1 Our Lady of the Sign. Icon, 12th century. The Cathedral of St. Sophia in Novgorod

М.Б. Плюханова
Покров и Знамение в Новгороде и Пскове в XIV веке

ил.2 Богоматерь Мирожская. Икона. Вторая половина XVI в. Псковский музей
fig.2 Our Lady of Mirozh. Icon, second half of the 16th century. Pskov Museum

в Москву, а копию прислали в Псков, согласно дополнительной части предания. По предположению Сарабьянова, те, кто думал увезти образ Мирожской в Москву при Иване Грозном, просто ошиблись. Исследователь обнаружил в соборе Мирожского монастыря признаки особого почитания в XII в. другого богородичного образа — Богоматери в полоборота в молении, по типу Параклесис, со свитком в руках. Ученый нашел следы от гвоздиков, из чего сделал заключение, что фреска почиталась как икона и была украшена окладом [Сарабьянов, 2010. С. 60–61]. Не смеем судить, справедливо ли относить по этим признакам почитание прямо к XII в. В этом случае, как и во многих других, история культа плохо соотносится с историей определенной иконы и континуальности не найти ни в той ни в другой.

Только кажется простой история другой чудотворной псковской иконы — Чирской. Псковские летописи сообщают, как она плакала в 1420 г. в эпоху мора и была перенесена в Псков в Троицкий собор. Проложное сказание об этом чуде и установлении почитания иконы в связи с ним 16 июля появилось уже в середине XV в. в прологе третьей — псковской — редакции [Лосева, 2009]. Икона по типу Одигитрия, но почитается как Знамение в тесной связи с Мирожской и новгородским Знаменем. В богослужебном сборнике Синодального собрания № 485, середины XVI в., помещены службы всем трем иконам. Служба Чирской 16 июля та же, что Мирожской — 24 сентября. Составители описания сборника отмечают близкое, переходящее в совпадение, сходство псковских служб и новгородской службы Знаменю⁴. Все три празднования — это единая традиция чествования новгородско-псковского Знаменья, ознаменованная милости Божией истечением слез от иконы Богоматери.

Вопрос о приурочении праздника новгородского Знаменья ко дню Иакова Перского — 27 ноября — один из самых занимательных в истории культа и привлекает, пожалуй, наибольшее внимание. Почему праздник победы над суздальцами не был назначен на период, определенно обозначенный в летописях: от соборной недели — первого воскресенья Великого поста, когда суздальцы с союзниками обложили город, и до среды, когда враги были побеждены, в день патриарха Тарасия, 25 февраля. Один из распространенных ответов на этот вопрос, впрочем, не удовлетворяющий никого их ученых, связывает назначение даты с фигурой могущественного посадника Якуна, который мог быть крещен во имя Якова Перского, и тогда, в силу его влияния, празднование было назначено на день его святого покровителя. Такой версией подчеркивается стабильная, раз и навсегда решенная в дни победы 1170 г. форма культа новгородского Знаменья. Требуется принять идею, что почитание Богоматери Знамение в течение многих веков и до сегодняшнего дня решено, утверждено и навязано многим последующим поколениям волей самолюбивого посадника. Остается без ответа вопрос: почему же древняя новгородская летопись, рассказывая историю нападения суздальцев и победы над ними, ничего не со-

4 ГИМ. Синодальное собрание. №485 (677). Собрание служб русским святым. XVI в.

общает о чуде от иконы? Или на летопись не распространилось влияние посадника?

Вопросом о причинах смещения даты Знаменья к празднованию Иакова Перского занимался специалист по истории Новгорода Владимир Водов. В исследовании, опирающемся на анализ летописных данных о строительстве или упадке церквей в Новгороде, он утверждал, что дата 27 ноября, к которой привязан культ, день Иакова Перского, свидетельствует об изначальной связи иконы Знамение с церковью Св. Иакова, древней и чтимой церковью Неревского конца, которая в XIII в. уже начинала клониться к упадку. Из церкви Св. Иакова, по мнению Водова, а не из Спаса на Ильине, как указано в проложном сказании, выносили икону в эпоху столкновения новгородцев с суздальцами [Vodoff, 1995].

Церквей Св. Иакова в Новгороде, согласно летописям, было две — одна на Добрыниной улице, другая — в Неревском конце, на улице, одноименной церкви, Яковлевой. Уточнения летописей касательно того, какому именно Иакову, апостолу или мученику Перскому, посвящена соответствующая церковь, появляются не сразу и в дальнейшем не совсем устойчивы. В. Янин полагал, что церковь Иакова Перского была, вероятно, на Добрыниной улице, а в Неревском конце — церковь апостола Якова [Янин, 1988]. Водов считал, что в ходе времени могло забыться, какому именно Иакову, брату ли Господню или Иакову Перскому, был посвящен храм Неревского конца, и культ Знаменья привязали к дате празднования Иакова Перского по ошибке. Затем икону перенесли, вероятно, в церковь Спаса на Ильине, на торговую сторону. В XIV в. культ Знаменья концентрируется здесь в конце Славно, где в 1355 г. освящается церковь Знаменья, ставшая святилищем чудотворной иконы. В этот период, отмеченный противостоянием Славенского конца всему прочему Новгороду, бояре его стараются прославить свою святыню возможно больше [Vodoff, 1995]. Таким образом, в глазах историков судьба чудотворной иконы и культа Знаменья определяется в XIV в. интересами концов.

Культе новгородского Знаменья в исследовательской литературе до недавнего времени воспринимается почти исключительно через призму проложного рассказа о чуде Знаменья, или о битве новгородцев с суздальцами. Наиболее ранним списком его считалось «Слово о Знамени пресвятой Богородицы», помещенное на первых листах праздничной минеи Софийского собрания (Соф. 396. Л. 1–4). По этой рукописи «Слово» публиковали и в XIX, и в XX в. Минея в описаниях датировалась XIV в. Теперь в ходе работы над «Сводным каталогом рукописных книг» А.А. Турилов передатировал эту праздничную минею, перенеся ее в XV в. В новом исследовании по древнерусским прологам О.В. Лосева описала и издала «Слово о Знамени пресвятой Богородицы» как проложное по трем спискам — все они — первой трети XV в., из них два — Прологи. Список Соф. 396 из трех использованных для публикации исследовательница не считает ни лучшим, ни старшим [Лосева, 2009. Исследование с. 202–206. Публикация с. 328–334].

Исследования Лосевой по прологам с публикацией проложных рассказов на праздники 27 ноября Знаменья и Спаса 1 августа и другие работы об

этих рассказах, о соотношении их с летописями, вышедшие в последнее время, особенно детальные — Е.Л. Конявской [Конявская, 2009] — многое привели в порядок, хотя и не разрешили всех проблем.

Новый проложный рассказ отличался от летописной истории битвы новгородцев с суздальцами прежде всего внедрением собственно чудотворной иконы, которая выносилась на стену подобно тому, как в триодной повести о спасении Константинополя на стену в дни опасности от врагов выносились риза Богоматери и прославленные иконы. Новая версия приобрела черты сходства с триодной Повестью о неседальном, о спасении Царьграда, что потом заметил и развил в своей переработке Пахомий Логофет. (Сопоставление с образцом, триодной повестью, проводил А. Эббингхауз [Ebbinghaus, 1990. P. 68–69].)

Два проложных рассказа, непрямо посвященных чествованию икон — 1 августа с элементами культа иконы Владимирской и 27 ноября с элементами культа иконы Знамение, имеют сходные черты. Оба восходят к летописным рассказам, оба дают видную роль иконе Спаса, вообще не известной ранним летописным версиям: в сказании на Спас 1 августа от иконы Спаса исходит чудесный свет, в сказании 27 ноября от иконы Спаса исходит голос, указывающий вынести на городскую стену икону Богоматери. Оба проложных рассказа выдвигают на первый план икону Богородицы, но празднования — не в честь собственно чудотворной иконы, как это стало в службе и похвальном слове Пахомия Логофета, созданном им для праздника 27 ноября, а в честь чуда, излияния милости Божией с помощью Богоматери. Пахомий Серб, возможно, руководствовался афонской традицией локальных монастырских празднований в честь монастырской святыни — чудотворной иконы. Икона Спаса его уже не интересует, он исключает из своего Слова ее упоминание.

Содержание, направленность первых проложных рассказов о Спасе 1 августа и о Знамени соответствует характеру деятельности, установкам митрополита Киприана, который выдвигал на первый план культ Одигитрии, празднование похвалы Богоматери с Акафистом по модели триодной повести, чествовал Владимирскую икону, специально занимался литургическим наполнением праздника Спаса 1 августа. При нем Фёдор Симоновский перевел гимн Богоматери для праздника Спасу 1 августа, фрагменты этого гимна позже использовались для русских служб богородичным иконам. То есть почва для будущих праздников уже готовилась, но при Киприане они не оформлялись окончательно [об этом: Плюханова, 2016].

В проложном рассказе праздника 27 ноября — Знамени — есть отсутствующий в византийском образце, и в летописном рассказе, и в рассказе о Владимирской иконе мотив, собственно новгородский, характерный для новгородских и псковских летописных известий об иконах — чудотворная богородичная икона плачет, Богоматерь, «воевода победительная», проливает слезы. Из сухой доски идут слезы — это она просит Спаса о городе — так объясняет проложное сказание. Непосредственно перед этим икона была вынесена на городскую стену, а враги начали стрелять; не сказано, что стрела попала в икону, но икона поворачивается лицом к Новгороду, и архиепископ видит текущие слезы [Лосева, 2009.

С. 333]. Возникает впечатление, что в новую композицию новгородская плачущая икона вставлена по необходимости, потому что таково и было основное чудо, покровское, — истечение слез от иконы или плач Богоматери.

Вопрос о том, традиционна ли для плачущей иконы роль защитницы и спасительницы города от врагов, требует специального углубления в традиции легенд о спасении городов и о плачущих иконах. А. Фролов, в свое время обозревавший мотив плача Богоматери и истечения слез от иконы в связи с исследованием культа новгородского Знамени, считал все это некими общими местами преданий об осаде города. Он обратил внимание, что в видении Андрея Юродивого — собственно Покрова — Богоматерь плакала, и связал этот плач с опасностью нападения на город варваров, он упомянул так же поэму Георгия Писиды об осаде Константинополя в 606 г., где Богоматерь названа плачущим воеводой [Frolow, 1928–1949]. Мотив плачущей иконы подробно исследуется в новейших работах безотносительно проложного сказания о Знамени или культа Покрова (свод летописных известий — [Преображенский, 2017]; чудо истечения слез от иконы в антропологической перспективе — [Косбј, 2015]). В свое время, рассматривая процессы развития покровского культа на Руси, я анализировала проложную повесть о битве новгородцев с суздальцами как соединение покровских мотивов (плач Богоматери в молении за город, истечение слез от иконы) и мотивов «Повести о неседальном» [Плюханова, 1995. С. 31–37]. Остается открытым вопрос, органичен ли сюжет проложного рассказа о нападении на православный город православного же войска, стреляющего в икону, или он является результатом искусственного синтеза.

Ученые, изучавшие проложное сказание, не сомневались, что оно не могло быть создано ранее второй половины, даже последней трети XIV в. Детали — упоминания церквей, монастырей — все соответствует исторической топографии Новгорода того времени. Л.А. Дмитриев считал, что до фиксации в XIV в. предание о Знамени сохранялось в фольклорной, устной форме, но в принципе было таким, каким мы его знаем [Дмитриев, 1973. С. 95–148, 281–284]. Предшествующий период демонстрирует, однако, признаки существования несколько иных форм культа Знамени.

Для выявления этих признаков праздничная минея Соф. 396 сохраняет для нас свой интерес. В ней текст «Слова о Знамени» находится в странной позиции — он помещен в самом начале и за ним службой Иакову Перскому начинается собственно праздничная минея, состоящая из служб на разные дни без календарного порядка. В начале страницы заменены: «Слово» на первых листах переписано позднейшим почерком, только с 3-го начинается единая тетрадь, написанная одним почерком, где помещен конец «Слова», причем так, что текст ужимается, чтобы вписаться в имеющееся пространство до начала следующего текста, службы Иакову Перскому 27 ноября, затем следует служба на Покров 1 октября. Минея никаких особых новгородских памятней не включает. Помещение в начале сборника проложного «Слова о Знамени» — это какая-то индивидуальная акция писца первой тетради: можно предположить, что он придавал особое значение этому празднику, но службы на праздник

не нашел — ее, наверное, еще не было к моменту составления праздничной минеи, а писцу почему-то надо было включить чествование Знамени в комплекс служб первой тетради — с Покровом и Иаковом Перским. Он отыскал проложное слово и вписал его в начале. Исследовавший рукопись Л.А. Дмитриев считал, что здесь подразумевается привязанность сказания о Знамени к дате 27 ноября, поскольку «Слово» в рукописи находится рядом со службой Иакову Перскому, празднуемому 27 ноября. Для нас важно, что создатель списка находил какую-то связь и между «Словом о Знамени» и службой на Покров, поскольку таков составленный им комплекс произведений: Слово о Знамени, Служба Иакову Перскому и служба на Покров.

В месяцеловах упоминание Знамени появляется в XIV в. О.В. Лосева учла эти данные и выразила удивление, что праздник Знамени появился в богослужебных книгах так поздно относительно события 1170 г. [Лосева, 2001]. От периода до начала XV в. в месяцесловах сохранилось два-три случая упоминания праздника 27 ноября, и они не свидетельствуют о том, что праздник был таков, каким мы его находим в проложном сказании. В Обиходнике первой половине XIV в. сказано «В ть(ж) д(е)нь знамение с(вя)тыя Б(огороди)ца иже на иконѣ»⁵. Может быть, в этом тексте имеется в виду чудо истечения слез от иконы, но не похоже, чтобы речь шла о победе над врагами с помощью иконы. Отметим, что в этом же Обиходнике в разделе «трепари праздникам» на Покров указан тропарь, в действительности принадлежащий празднику Положения ризы: «Тр(о)п(арь) Б(огороди)ци Покрову: Б(огороди)це Приснодевая»⁶. Вероятно, что в этот ранний период даже сама служба на Покров еще не вполне определилась.

В пергаменном Канонике Софийского собрания № 157, возможно, XIV или начала XV в., в месяцеслове с тропарями на 27 ноября указано: «Знамени(я?) Б(огороди)ца: Дн(ес)ь бл(а)говѣрнии»⁷. Это начало тропаря на Покров, так что возможно, что Знамение было связано с почитанием Покрова.

Почитание Покрова распространено в Новгороде XIII–XIV вв. Именно новгородские прологи того времени содержат ранние списки проложного рассказа на Покров: Богородица является в церкви в окружении святых и со слезами молится за весь мир, «покрывшись святымъ своимъ амофоромъ, свѣтящимся паче еликтора», и она речет к Сыну: «Приими всякого ч(е)л(о)в(е)ка, славящаго тя и призывающаго имя твое и всяко мѣсто, идеже бываетъ память имени моего» [цит. по публ.: Лосева, 2009. С. 313].

Данные разных новгородских летописей о чудесах в церкви Якова в Неревском конце за XIII–XIV вв. позволяют полагать, что здесь на некоторый период сосредоточилось почитание Покрова, объединенного со Знамением. Летописи обращают исключительное внимание на чудо в этой церкви в 1208 г. — убили без вины Олексу Сбыслалича 17 марта, «а заутра плака свя-

⁵ Обиходник Румянцевского музея. РГБ. Ф. 256. № 284, раньше датировался XIII в., теперь — первой половиной XIV в. Здесь: Л. 91 об.

⁶ РГБ. Ф. 256. № 284. Л. 98.

⁷ РНБ. Соф. 157. Л. 224 об.

тая Богородица у святого Якова въ Неревскомъ концѣ» [Новг. I. С. 247; то же Новг. IV. С. 181]. «Летописец Новгородский церквам Божиим» или Новгородская III под 1208 г. 17 марта сообщает, что в Неревском конце в церкви Якова апостола на Софийской стороне «плака святая Покровъ», вариант: «источи слезы отъ образа пресвѣтыя Богородицы Покрова» [Новг. III. С. 201], за тем следует известие о большом пожаре, сгорело 4 тыс. домов.

Несмотря на предположительный, отмеченный Водовым, упадок церкви Иакова в связи с рядом пожаров, весь XIV в. очевидно сохраняется связь церкви Неревского конца с культом Покрова, с его знамением — истечением слез. Новгородская IV и «Летописец церквам Божиим» согласно повествуют о «знамени» 1391 г.:

«Бысть знамение у свягаго Иакова въ церкви на Ияковли улици: и у иконы святыя Богородица Покрова текоша слезы от обѣю очию, октября 1...» [Новг. IV. С. 370]. В связи с этим знамением начались особые чествования Покрова. Владыка Иоанн приказал устроить там же палаты и «придѣль Покрову», что было сделано при общем участии, и церковь на палатах вскоре святили. Владыка установил крестный ход на Покров [Новг. III. С. 246–247].

Мы не знаем, где в это время находилась икона Знамение — у Якова в Неревском конце или в церкви Спаса на Ильине, по Сказанию о битве Новгородцев с суздальцами, или в церкви Знамени, построенной в середине XIV в., которая в последующие века стала центром чествования иконы Знамени.

И церковь Знамени, и потом через десятилетия — церковь Покрова на палатах возводились в сходных обстоятельствах. Церковь Знамени была построена после смерти архиепископа Василия от мора. Псков был достигнут «черной смертью» — величайшей эпидемией чумы в истории Европы. И владыка Василий поехал туда отмаливать город. По дороге обратно он умер. Знамение — это одна из первых церквей, которая строится после приходы чумы в Псков и в Новгород (первая — Успения на Волотовом поле). Если учесть эти обстоятельства, то становится яснее, что под Знамением имелась в виду не помощь в военной победе, но, более вероятно, истечение слез от иконы, плач Богоматери, молящей о милости Божией для погибающих и для погибших — во избавление от посмертных мук:

1352/6860: «Того же лѣта бысть морь силенъ в Новѣградѣ от госпожина дни почалося до велика дни». Смерть не только в едином Новгороде, но «по лицу всея земля походи» [Новг. I мл. С. 363]. Вскоре поставлена «церкви каменная въ имя святыя Богородица Знамение на Ильине улици», 1354/6862 [Новг. I. С. 364].

Новое укрепление культа Покрова и строительство церкви «на воротах» происходит в условиях новой эпидемии. В лето 6897 эпидемия вновь наступает на Псков. Ситуация повторяется — владыка Иоанн отправляется в гибнущий город, но, в отличие от Василия Калики, не погибает, возвращается благополучно, и мор там перестает. И того же лета, по Новгородской I младшего извода, посадник ставит в Новгороде церковь «Покров святы Богородицы на воротех». Однако в следующем году начался ужасный мор и в Новгороде — «велеи множество крестьянь умре».

А на следующую зиму в Новгород приехал митрополит Киприан. Его встречал владыка Иоанн у святого Спаса на Ильине. «И бысть в Новгороде две недели, много говорит Новгороду, чтобы грамоты подрати» — это были споры о передаче Москве новгородского права суда, о митрополичьем суде. Новгородцы не согласились, и митрополит «поех из Новгорода, а на Новгород великое нелюбие держа» [Новг. I мл. С. 385]. Новгородская IV летопись дает больше интересных для нас деталей об этих событиях, совпадая с Новгородской I до момента строительства церкви Покрова на воротах/палатах. Описывается мор в Новгороде 1389 и 1390-х гг., затем: «Бысть знамение» у святого Якова в церкви на Яковлеви улице и у иконы святой Богородицы Покрова «текоша слезы от обоих очей 1 октября». Чествовали Покров, владыка Иоанн приказал святить церковь Покрова на палатах. Вскоре, 11 февраля, в Новгород приехал митрополит Киприан. Описана торжественная процессия из церкви Спаса на Ильине в Св. Софию. Киприан в эти дни служит литургию, дает пиры, учит, главное событие — богослужение «на сбор» — соборное воскресенье [Новг. IV. С. 371]. Нам известно, что митрополит Киприан придавал большое значение этому дню как празднику Торжества православия и специально распространял чтения праздника, прославляющие иконы и чудеса их. Естественно предположить, что он учил в этот день новгородцев специально чествовать их чудотворную богородичную икону, только что вновь прославившуюся знамением. Киприану были дороги византийские формы прославления икон, прежде всего Одигитрии, и их он предлагал на Руси [об этом: Плеханова, 2016], возможно и в этих обстоятельствах он предложил новгородцам церковные образцы сказаний о прославленных иконах, такие как триодная повесть о неседальном, о чудесном спасении города от варваров с помощью Одигитрии.

Поссорившись с новгородцами, рассерженный Киприан уехал «по Сборе на 3-й день». Хронология событий — отметим — полностью совпадает с хронологией победы новгородцев над суздальцами, по старому летописному сказанию: суздальцы и все прочие враги, потерпев поражение, бежали на третий день после «сбора», в среду. Позволим себе предположение, что именно после этого события, отчасти под влиянием Киприана, отчасти в пику ему, в условиях свежего конфликта между Новгородом и Москвой, в Новгороде составилось сказание о чуде от иконы Знамение, как послужившей для изгнания суздальцев. Дата же празднования осталась 27 ноября — день Якова Перского, или по посвящению церкви покровских знамений, или по каким-нибудь более древним обстоятельствам почитания иконы.

К концу XIV в. основное чествование Покрова перемещается в Зверин монастырь. Первую богородичную церковь здесь построил еще владыка Василий в 1335 г., но неизвестно, была ли она во имя Покрова [Новг. I мл. С. 346]. В 1399 г. здесь была построена каменная церковь Покрова, к ней восходит и первая засвидетельствованная икона Покрова. Зверин монастырь с церковью Покрова и далее как-то служил для помощи при морах и для памяти о них: в 1467 г. возле Покровского собора построили церковь Симеона Богоприимца на месте захоронения умерших от мора новгородцев.

Связь Знамения с Покровом и мором в дальнейшем была забыта, заслонена проложной историей чудесного спасения от суздальцев, антимосковской по задору, но соответствовавшей новым великорусским формам чествования Богоматери Одигитрии. Пахомий Логофет много добавил этому новому Знаменю торжественности и блеска.

Параллельные псковские иконы дольше задержались в своем значении Знаменско-Покровских, плачущих в годину мора. В культе Чирской, столь быстро и определенно утвердившемся в 1420 г. с датой празднования 16 июля, можно подозревать посредничество между русским Покровом-Знамением периода чумы и западными культурами Мадонны Плаща — Покрова — Misericordia, особенно распространившимися в XIV в. в период «черной смерти». Дата 16 июля соответствует дате распространявшегося в XIV в. чествования Мадонны горы Кармель, — наиболее сильного в то время проявления западного Покрова.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.
- Коняевская Е.Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Милова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 68–86.
- Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 421 с.
- Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. 466 с.
- Новгородские летописи. Кн. 1. Рязань: Александрия, 2002. 308 с.
- ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.
- ПСРЛ. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 685 с.
- Охотникова В.И. История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (конец XVI — XVII в.) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. С. 743–745.
- Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 335 с.
- Плеханова М.Б. «Кипъние свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 602 с.
- Преображенский А.С. «Слезы из суха древа». Плачущие, кровоточащие и мироточащие иконы в общении русских летописей // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира. М.: Феория, 2017. С. 332–371.
- Сарабянов В.Д. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М.: Северный паломник, 2010. 304 с.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения и приложения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 766 с.
- Янин В.Л. «Знаменская легенда» в Древней Руси // Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988. Прил. 6. С. 224–238.
- Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1990. 290 p.
- Frolow A. Le «Znamenie» de Novgorod // Revue des études slaves. Paris, 1948–1949. Vol. 24, pp. 67–81; Vol. 25, pp. 45–72.
- Kocój Ewa. Sacrum i łzy. Fenomen płaczących ikon w wyobrażeniach religijnych w prawosławiu (wybrane zagadnienia — I). (Sacrum and tears. The phenomenon of weeping icons in religious representations in Orthodoxy (selected issues). Slavica Slovaca, 50, 2015. No. 2, pp. 140–156.
- Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique. Oxford Slavonic Papers, 1995. Vol. 28, pp. 1–19.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Покров и Знамение в Новгороде и Пскове в XIV веке

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Плюханова Мария Борисовна — кандидат филологических наук, ординарный профессор, зав. кафедрой славистики Университета Перуджи. L'Università degli Studi di Perugia. Via del Verzaro, 49, 06123, Perugia, Italia. maria.pliukhanova@unipg.it

АННОТАЦИЯ

В работе выдвинуто предположение, что культ иконы Знамение, сохранявшийся в Новгороде в течение многих столетий, в разные периоды имел разное содержание. Представление о том, что 27 ноября чествуется память победы новгородцев над суздальцами в 1170 г. с помощью иконы Знамение, укрепилось в конце XIV — начале XV в.; именно тогда возникло проложное сказание об этом чуде. Некоторые данные богослужебных рукописей и летописей позволяют думать, что несколько раньше, в том же XIV в., почитание Знамения близко примыкало к чествованию Покрова. Значение Покрова для Новгорода растет в течение XIV в., достигая особой силы в периоды эпидемий чумы, приходившей в Псков и потом Новгород в начале 50-х гг. и в 1389–1390 гг. С Покровом сопрягается почитание Знамения преимущественно как чуда истечения слез от иконы Богоматери. Церковь Знамения возводится через год после прихода в Новгород мора — «черной смерти». С подобными обстоятельствами были связаны позднейшие чудеса от псковских икон.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новгород в XIV столетии, чудотворные иконы Новгорода и Пскова, Покров Богородицы, Знамение, службы в честь богородичных икон.

TITLE

Pokrov and Znamenie in Novgorod and Pskov in the 14th Century

AUTHOR

Maria B. Pliukhanova (Pliukhanova) — Full Professor, University of Perugia, Slavic Studies, Russian Language and Literature. L'Università degli Studi di Perugia. Via del Verzaro, 49, 06123, Perugia, Italia. PhD, University of Tartu. maria.pliukhanova@unipg.it

ABSTRACT

The paper presents the hypothesis that the cult of the icon of Our Lady of the Sign (Znamenie), which had been preserved in Novgorod for many centuries, had different meanings in various periods. The idea that the commemoration of the victory of the Novgorodians over the Suzdalians in 1170 with the help of the Icon of the Sign is celebrated on November 27 and was strengthened at the end of the 14th — beginning of the 15th century, when ecclesiastical narration about this miracle appeared. Some data from liturgical manuscripts and chronicles suggest that earlier, in the 14th century, the veneration of the Sign was closely related to the celebration of the Protection (Pokrov) of Our Lady. The value of the Pokrov for Novgorod grows during the 14th century, becoming especially powerful during periods of the plague in Pskov and Novgorod in the early 1350s and in 1389–90. The worship of the Sign (Znamenie) of the Virgin is closely related to the miracle of crying icons of the Virgin. The Church of the Sign was built one year after the Novgorod plague. Later, in similar circumstances, the miracles from Pskov icons appeared.

KEYWORDS

Novgorod the Great of the 14th century, Miraculous icons of Novgorod and Pskov, the Protection (Pokrov) of Our Lady, Our Lady of the Sign (Znamenie), Liturgies in honour of the icons of the Mother of God.

REFERENCES

- Bobrov A.G., Kloss B.M. (eds.). *The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 4: Novgorod Fourth Chronicle*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 685 p. (in Russian).
- Bulanin D.M. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 2: (vtoraia polovina XIV — XVI v.). Ch. 3: Bibliograficheskie dopolneniia i prilozheniia (Dictionary of Scribes and Literacy of Old Russia, issue 2: (Second Half of the 14th–16th Centuries), part 3: Bibliographic Supplements and Applications)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, 766 p. (in Russian).
- Dmitriev L.A. *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii (Ageographic Narratives of the Russian North as Literary Monuments of the 13th–17th Centuries: Evolution of the Genre of Biographical Legends)*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 303 p. (in Russian).
- Ebbinghaus A. *Die altrussischen Marienikonen-Legenden*. Berlin, In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1990, 290 p. (in German).
- Frolow A. Le «Znamenie» de Novgorod. *Revue des études slaves*. Paris, 1948–1949, vol. 24, pp. 67–81; vol. 25, pp. 45–72 (in French).
- Ianin V.L. “Znamenskaya Legend” in Ancient Russia. Ianin V.L. *Nekropol' Novgorodskogo Sofiiskogo sobora (Necropolis of the Novgorod Sophia Cathedral)*. Moscow, Nauka Publ., 1988, appendix 6, pp. 224–238 (in Russian).
- Kloss B.M. (ed.). *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. III: Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvodov (The Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 3: Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Versions)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 692 p. (in Russian).
- Kocój Ewa. Sacrum i łzy. Fenomen płaczących ikon w wyobrażeniach religijnych w prawosławiu (wybrane zagadnienia — I). (Sacrum and tears. The phenomenon of weeping icons in religious representations in Orthodoxy (selected issues). *Slavica Slovaca*, 50, 2015, No 2, pp. 140–156 (in Polish).
- Koniavskaiia E.L. On the Stages of the Formation of the Legend of the Znamenskaya Icon. *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsesssa: Sb. st. pamiati akad. L.V. Milova. Features of the Russian Historical Process: Collection of Articles in Memory of Academician L.V. Milov*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, pp. 68–86 (in Russian).
- Loseva O.V. *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vv. (Russian Menologies of the 11th–14th Centuries)*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001, 421 p. (in Russian).
- Loseva O.V. *Zhitiia russkikh sviatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII — pervoi treti XV vekov (The Lives of Russian Saints in the Composition of the Old Russian Prologues of the 12th — First Third of the 15th Centuries)*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi Publ., 2009, 466 p. (in Russian).
- Okhotnikova V.I. The History of the Mirozh Icon of the Virgin and the Literary Texts about it (the End of the 16th — 17th Century). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury (Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature)*. Saint Petersburg, 1997, pp. 743–745 (in Russian).
- Pliukhanova M.B. “Light overflowing”: *Russian Hodegetria Icons in Liturgic Poetry and History*. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016, 602 p. (in Russian).
- Pliukhanova M.B. *Themes and Symbols of the Muscovite Kingdom*. Saint Petersburg, Akropol' Publ., 1995, 335 p. (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. Tears from Dry Wood. Weeping, Bleeding and Christ-Exuding Icons in Russian Chronicles. *Sviataia voda v ierotropii i ikonografii khristianskogo mira (Holy Water in the Hierotopy and Iconography of the Christian World)*. Moscow, Feoriia Publ., 2017, pp. 332–371 (in Russian).
- Sarab'ianov V.D. *Spaso-Preobrazhenskii sobor Mirozhskogo monastiria (The Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2010, 304 p. (in Russian).
- Tsepkov A.I. (ed.). *Novgorod Chronicles, vol. 1*. Ryazan, Alexandria Publ., 2002, 308 p. (in Russian).
- Vodoff V. Le culte du Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique. *Oxford Slavonic Papers*, 1995, vol. 28, pp. 1–19 (in French).